

ПАМЯТИ О. Н. БАСОВА

... я папомню
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечания,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак...

Пушкин.

Со дня смерти Осипа Николаевича Басова прошло уже два года. Стремительно быстро промчалось время. Но тяжесть и незаменимость потери Басова время не сгладило и не смягчило. Басов, как актер, Басов, как индивидуальность, Басов, как один из основных строителей театра Вахтангова, был и остался незаменимым.

Распределяя роли, мы часто говорим теперь друг другу:

— Конечно, лучшим исполнителем на эту роль был бы Осип Николаевич. Говоря о больших вопросах жизни театра Вахтангова, мы вспоминаем:

— В таких случаях покойный Басов умел крушить и разражаться громом.

Ценность и незаменимость Басова, как художника и человека, после его смерти стала еще более очевидной и неоспоримой.

★

Это был сложный и очень противоречивый человек. Он был умен и наблюдателен. У него был мягкий юмор, которым он умел великолепно украшать жизнь. С одной стороны — болезненно нервный, нетерпеливый и резкий, с другой стороны, — мягкий, мудрый и все понимающий. Брюзжащий, всем недовольный, ничего и никого подчас не принимающий и вместе с тем, как никто в театре Вахтангова, порой умеющий выслушать, посоветовать, помочь в работе, заступиться, похвалить, ободрить, выступить на общем собрании с громовой защитительной речью.

Он признавался, что ему очень трудно жить:

— Я сам во всем виноват. Характер мой — враг мой. Но, правда, всему на свете есть причины. Я не оправдываюсь, а объясняю. Ты не представляешь себе, что значит война, контузия, что значит плен. Я думал, что сойду с ума. Мне кажется чудом, что я живу.

Он не умел работать так, как хотел. Может быть поэтому он любил смотреть, как работают другие, увлекаясь и восхищаясь этим.

— Чорт знает что такое! — возмущался он. — Не умею работать, ну что ты будешь делать. Не умею организовывать себя. Разбрасываюсь, размениваюсь на мелочи, теряю главное, раздражаюсь, порчу кровь. Ничего не умею поделаться с собой.

Я посоветовал ему попробовать писать дневник. Он задумался:

— Не выйдет у меня этого. Не хватит терпения. Во всем пужна усидчивость, а у меня ее нет ни в чем. Но все-таки попробую.

Он начал писать дневник и вел его с перерывами в течение нескольких лет, заносая в него короткие отрывочные записи.

Однажды я спросил его:

— Ну, как? Пишешь дневник?

— Пишу, да... Это, пожалуй, один из способов организовать себя. Но в общем толку мало. Это никому не интересно, кроме меня.

★

Работал Басов над ролью всегда с трудом, большей частью неохотно, почти никогда не умея сделать для себя и других приятным процесс работы. Он не умел использовать в работе чувство

недовольства собой. Оно раздражало и озлобляло его. Не всегда даже было понятно, каким образом у него получается хороший результат роли. Он жаловался, что у него не идет роль, что ему все не нравится, он не знает, что делать. Это выливалось у него часто в жалобы и самобичевание:

— И вообще я не актер и непонятно, зачем я пошел в театр. Сальвини — вот это актер. Почитайте о нем.

Но, все же, были роли, над которыми Басов работал с большим увлечением и с сознанием большой ответственности. Такими ролями были Миллер в «Коварстве и любви» и Достигаев.

Басов, вообще, очень любил Горького как писателя и восторженно относился к работе над «Булычевым».

В письме из Абрамцева, где он отдыхал летом 1932 года, он писал мне, что считает счастьем работу над Горьким. «Каждый раз, когда я об этом вспоминаю, я чувствую, что может быть в первый раз выступаю на поприще общественного служения».

— Мы должны сделать большой спектакль. Этого требует пьеса. Мы должны суметь раскрыть глубокий смысл пьесы Горького. Надо заразить каждой большого спектакля коллектив. Тогда мы победим.

За год до постановки «Достигаева» мы — несколько человек из театра, среди нас был и Басов, — провели замечательный вечер у А. М. Горького. Он прочитал нам второй акт «Достигаева» и потом долго еще беседовал с нами. Говоря о своих литературных планах, Алексей Максимович сказал, что надо написать пьесу о смерти.

— О преодолении смерти, — пояснил он. — Человек силой своего разума и воли побеждает смерть. Вот такую роль хорошо бы сыграть Щукину.

Горький много рассказывал о своих встречах с людьми, метко характеризующих двумя-тремя художественными черточками.

Выйдя от Горького, мы пошли пешком в театр и дорогой Басов восхищался Горьким:

— Нет, ты только посмотри и представь себе, что он сам из себя сделал. Какую колоссальную работу он сделал и делает над самим собой. Человек — это звучит гордо. Пример этого прежде всего сам Горький.

Через год, 7 октября 1933 г., А. М. Горький был в театре Вахтангова на репетиции «Достигаева».

— Достигаев очень хорош, — сказал он, обращаясь к О. Н. Басову. — Мне кажется только, что ему не хватает ручек в карманах. Надо держать ручки в карманах, потому что это ведь чрезвычайно характерная штука — человеческие руки и очень многим просто необходимо их прятать. Они говорят часто больше, чем слова и могут выговорить такое, что вовсе никому не надо знать. Так что их прятать надо. Достигаев человек пронырливый, он скептик. По отношению ко всем он сам себе партия, так что ему нужно немножко сдержаннее относиться. Он только немножко на попу равняется: «верую в бога, но предпочитаю коньяк». Попа он знает. Достигаев вообще очень интересно сделан.

Одобрительное мнение А. М. Горького воодушевило и поддержало Басова в его работе. Он воспользовался всеми указаниями и говорил, что Алексей Максимович очень ему помог.

★

Когда Басова охватывал сильный и благородный порыв, он горячо отдавался ему. Так, в Надеждинске во время

гастролей театра, он где-то увидел девочку подростка, голодную и оборванную сироту. Он загорелся мыслью удочерить ее, взять ее с собой в Москву и воспитать из нее, как он говорил, настоящего, нужного стране нового человека.

— Помоги мне оформить это, — обратился он ко мне. — Я не знаю, куда пойти, кому об этом заявить, как это все технически сделать. Но я знаю одно: что я должен это сделать. Это нужнее всего того, что я делаю.

Взять ребенка с собой в Москву ему не удалось. Почему-то это расстроилось. Он долгое время не мог успокоиться и сокрушенно повторял:

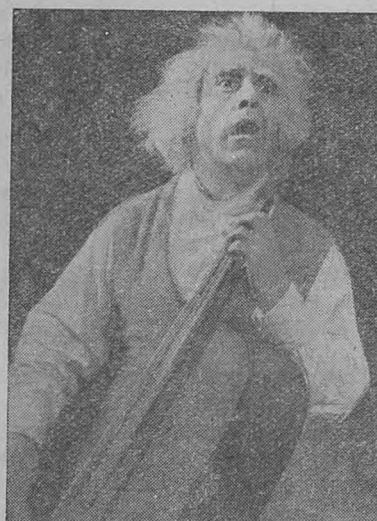
— Раз в жизни захотел сделать хорошее дело и то не удалось.

— Почему же раз в жизни? — спросил его.

— Потому что раньше мне никогда не представлялся случай действительно сделать нужное и большое дело. Но, видимо, я для этого не пригоден.

★

Один из спектаклей «На крови». Прихожу гримироваться. О. Н. Басов сидит за своим столиком в костюме и гриме кирасирского полковника. Он курит и читает «Вечернюю Москву». На этот раз он в отличном настроении.

О. Н. БАСОВ в роли МИЛЛЕРА («Коварство и любовь»)

— Здравствуйте Лявонтий Пятров, — встречает он меня. — Ну, как ваше драгоценнейшее?

— Вашими молитвами.

— Денно и ночью за вас молюсь. Да, кстати, Лев Петрович, — говорит он, сразу переходя на серьезный тон. — Я хотел тебе кое-что сказать. Ты можешь меня выслушать?

— Могу.

— Ты собрал?

— Да.

— Только это очень серьезное и важное дело. Сядь ко мне поближе... Это в общем даже конфиденциально.

Он наклоняется ко мне и говорит шепотом:

Мм... видишь ли, голубчик Лев Петрович... Ты меня хорошо поймешь. Это дело очень сложное. Я решил... с сегодняшнего дня... Нас никто не слышит?

— Никто.

— Нет, ты посмотри за дверью.

— Да никто, никого нет.

— Ну, хорошо... Так вот видишь ли. Э-э... нет, второй звонок. Я опоздаю на выход.

— Да говори, наконец.

— Ну, ладно. Я решил с сегодняшнего дня... звать тебя... Пупс... Левка, чорт, — прибавляет он хохоча и шутя ударом кулака валит меня на диван. — Ну, говори прямо, как ты ко мне относишься? Любишь меня?

— Да как сказать.

— Эх ты! «Как сказать?» Должен ответить: «люблю». Я тебя люблю и ты должен меня любить.

— А ты разве любишь?

— Очень, — вдруг неожиданно серьезно говорит он.

★

Когда Басов испытывает жажду творчества театра, он отдается этому со всей горячностью и непосредственностью своей натуры. Тогда в каждом даже маленьком деле театра он видит глубокий обобщающий смысл, он восхищается работой своих товарищей, подбадривает их, предлагает себя в помощь:

— Используй меня, если я хоть чем-нибудь могу быть тебе полезен. Пошли меня куда нужно. Согласен делать самую черную, неинтересную работу: быть курьером, носить кирпичи. Строить театр можно только сообща. Тогда ничего не страшно. И вот тогда-то и будет настоящий, кровью сердца заработанный успех.

В 1929 году мы капитально перестраивали здание театра. Басов очень горел этим.

«Так радостно сознавать, — писал он с гастролей из Одессы, — непрерывное движение вперед того дела, в котором работаешь. Мне кажется, что все, что мы делаем здесь, это тот же цемент на арбатские кирпичи и чем лучше мы делаем, тем лучше будет здание. Мы такие большие задачи поставили перед собой и как прекрасно их разрешать, всем, каждому — чем может».

★

Басов мрачно сидит в театральном буфете. Сморщив лоб, приложив одну руку к животу, что-то ест. Подхожу, здороваюсь.

— Как поживаешь, что поделываешь? — спрашивает он.

Я рассказываю ему, что случайно узнав о предстоящем закрытии Мурановского музея (б. имени Баратынского и Тютчева) мы с несколькими товарищами взяли хлопотать об этом деле и, кажется, хлопоты будут успешны.

Не дослушав меня, Басов срывается с места, бежит к буфетной стойке, приносит яблоко, конфету и оживленно вручает мне:

— Вот, премирую тебя за это. Дай я тебя обниму. Вот это я называю настоящей общественной работой.

★

— Ты знаешь? — встречает он меня однажды утром. — Весь Охотный ряд перестраивается. Все с одной стороны — к чертам и все с другой стороны тоже к чертам. Будет строиться громадная гостиница Моссовета, и на другой стороне дом СТО. Видал мириал!

— На углу Смоленского рынка строится новый дом.

— Гостиница Моссовета уже вышла из земли на один этаж.

— На Мясницкой строится громадный дом Корбюзье.

Такими возгласами, как приветствиями, вместо «здравствуй», Басов часто встречал меня в артистической уборной, в коридорах, в фойе театра.

Его выбрали председателем шедской комиссии по метро. Ему сообщил об этом секретарь партийной организации. Басов сделал озабоченное лицо и, нахмурился брови, прищурившись, пожимая плечами, делал неопределенный жест рукой.

— Так я ничего не имею против по-работать и на метро, если сейчас меня

на это перебрасывают. Но не знаю, сговорюсь ли в основном с Роттертом? Впервые, надо решить вопрос, кто кому будет подчинен. И потом, не знаю, чорт его знает, может быть арбатскую трассу вести сразу до Брянского вокзала? А ведь решено вести пока до Смоленского. Но ведь я упрям. И он упрям.

★

Рассердившись на одного товарища, он сказал с раздражением:

— У-у, бездарность!

— Ну, это ты врешь, — возразил ему Н. — Напротив, он способнейший человек. Достаточно тебе помириться с ним, чтобы ты переменил о нем суждение.

— Умница, — закричал Басов. — Совершенно верно. — И с интонацией Гюстава из «Чуда св. Антония» добавил: — Но бездарно с его стороны так себя вести.

★

— Больше всего ненавижу самовлюбленность, самоуверенность. Конечно, отличительное свойство большого художника — это прежде всего скромность. Страшно ценю в людях умение работать над собой, может быть потому, что сам этого никогда не умел делать.

★

— Почему я так бездарен? Ничего не умею делать, не умею внушить уважения к себе, не имею авторитета. Все мой проклятый характер, все моя проклятая болезнь. Как я завидую здоровым людям. Они не понимают того счастья, которым обладают.

★

Из писем О. Н. Басова (1927 года): «... так много мы бы могли сделать для наших спектаклей, настолько повысить их ценность и тем самым поднять студию, если бы на самом деле у нас была бы любовь к ней. Мы превращаемся в профессиональный, не интуитивный, самодовольный коллектив, какие ненавидел Евгений Богратионович. А как он же говорил: «могли бы жить так прекрасно. «Гете, умирая, сказал: кое-что мне удалось сделать в жизни, но как мало по сравнению с тем, что бы я мог. (Ему было 80 лет), а Евг. Богр. говорил: каждую минуту, проведенную не для театра, я считаю погибшей для себя. А мы такие не талантливые и такие расточительные — будто нам жить 300 лет. Живем внистую, как сырое дерево горит...».

«... хоть бы что-нибудь успеть, хоть бы что-нибудь нужное сделать. Хоть чем-нибудь приблизить наш театр к мечтам Евгения Богратионовича. Если б можно было не успокаиваться».

«... я ужасно как хочу жить. Только бы правду знать, только бы научиться понимать ее».

★

Осенью 1934 года О. Н. Басов приехал из Железноводска худой, бледный и помятый. Попытавшись, он ходит по театру. В глазах у него тоска. Товарищи, встречая, спрашивают его:

— Осенька, милый, что ты?

Он слабо улыбается, его обнимают, он ласково целует кого-то в щеку. Ему плохо, он очень болен.

★

10 октября 1934 г., в 2 ч. 40 м. дня, О. Н. Басов умер от кровоизлияния в мозг.

Последние записи его дневника:

«Здоровье мое плохо — первые разрушения...».

«Бережь меня не входит в задачи моих друзей. Меня не слышат, не видят, не верят».

Эти слова звучат тяжелым упреком и снова напоминанием, глубокий смысл которого мы всегда забываем по отношению к живым людям.